

УДК 726.71+2-57

DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-290-318

А. К. Клементьев

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА ОСТРОВЕ ВАЛААМ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ НАТАЛИИ СТАЦЕНКО И КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ ОБОЛЕНСКОЙ (1916 И 1933 ГОДЫ)

Аннотация. Впервые публикуются свидетельства о посещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря — описание поездки, совершенной в 1916 г. петроградской гимназисткой Наталией Стаценко, и дневниковые записи приезжавшей в Финляндию в 1933 г. из Парижа княжны Александры Оболенской — будущей монахини Бландины, одной из устроительниц православного скита Казанской иконы Пресвятой Богородицы в Муазнэ-лэ-Гран (Moisenay le Grand) неподалеку от города Мёлан (Melun) во Франции. Храм скита был впоследствии распisan о. Григорием Кругом.

Очерк «От школьной скамьи к тихой пристани св. Валаама» написан в качестве учебного сочинения — отчета об экскурсии, вероятно по предмету Закона Божия, ученицей 6-го класса гимназии. Свидетельства детей о встрече с Валаамом весьма редки, тем более, что, по мнению священника Н. Ладыгина, «по содержанию и изложению работа может быть названа выдающеюся и талантливой».

Нерегулярные дневниковые записи «Самой себе» — о пребывании в Швеции будущей монахини Бландины и ее же финляндские впечатления о жизни в Спасо-Преображенском монастыре добавляют много живых и важных деталей как для прояснения истории ее подвижнической жизни, так и к уже известным описаниям валаамской повседневности межвоенных десятилетий.

Ключевые слова: *Н. В. Стаценко, княжна А. В. Оболенская (монахиня Бландина), Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, православие в Финляндии, православные паломничества в русской эмиграции*

Для цитирования: Клементьев А. К. Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам в свидетельствах Наталии Стаценко и княжны Александры Оболенской (1916 и 1933 годы) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 41. С. 290–318. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-290-318

Спасо-Преображенский монастырь на о. Валаам в свидетельствах...

Сведения об авторе вступительной статьи и издателе: Клементьев Александр Константинович — историк, архивист, автор исследований по истории Русской Православной Церкви в эмиграции (Россия, г. Санкт-Петербург).
E-mail: niteroy@rambler.ru

Поступила в редакцию 29.12.2022

Принята к публикации 21.02.2023

Уже в первые годы XX столетия Валаамский Спасо-Преображенский монастырь начинал привлекать внимание светской публики. В числе посетителей обители появляется все больше людей мирских, приезжавших на остров не в поисках духовной поддержки, а с целями познавательными или просто для кратковременного отвлечения от столичной повседневности... Давно ставшие привычными паломничества священнослужителей с семьями¹ и образовательные экскурсии учащихся из духовного звания дополняют в эти годы группы гимназистов, реалистов, воспитанницы и воспитанники церковно-учительских школ, кадеты и просто молодые обыватели, склонные к познавательным путешествиям. «Весьма отраднo, что в позднейшие годы участились экскурсии на Валаам учащихся... Последним есть чему здесь поучиться, — писал в июле 1912 г. только что возвратившийся из подобной поездки профессор Петербургской духовной академии А. А. Бронзов, — в их душе навсегда сохранятся благодетельные следы, которые помогут им потом не раз в течение дальнейшей их жизни, поддержат их...»².

Наряду со всегда проявлявшими внимание к Валааму обитателями Великого княжества Финляндского — преимущественно крестьянами и мастерами — финнами и карелами на остров приезжают целыми семьями и жители обеих столиц и других местностей империи, что, в силу сравнительной отдаленности Валаама, делало такие поездки развлечением достаточно дорогим и требовало известного усердия. Для многих, кто посетил Спасо-Преображенскую обитель в первые два десятилетия XX в., эта встреча с монастырской жизнью оказалась единственной — к середине 1930-х гг. на территории советского государства не оставалось ни одного официально открытого монастыря...

На Руси красной о Валаамской обители постарались накрепко забыть. О продолжающемся благополучном существовании в непосредственной близости от колыбели трех революций двух крупных русских монастырей здесь в межвоенные десятилетия не упоминали вплоть до начала войны с Финляндией, не упоминали даже в сомнительной литературе, посвященной обличению христиан-

¹ См. очень подробную, всесторонне характеризующую жизнь монастыря и не перегруженную пересказом общеизвестных исторических сведений книжку: Ваучский А., *свящ.* Поездка на Валаам. (Впечатления и воспоминания о Коневской и Валаамской обителях). Новгород, 1909. 44 с.

² Бронзов А. А. Рай на земле. Валаамские впечатления. С. 16. (Авторизованный отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение». № 9. 1912. С. 954–977. Собрание прот. И. И. Верника. Париж).

ства, русской эмиграции и мировой реакции. Русские издания свободного мира тоже вспоминали о русских обителях в Финляндской Республике исключительно редко, в основном — в общих отчетах о поездках по лимитрофным странам.

Наибольшей по размеру публикацией этих лет стали серии очерков Б. К. Зайцева «Финляндия» и «Валаам» в парижской газете «Возрождение», частично оформленные годом позже в получившую достаточную известность книжку «Валаам» (Таллинн, 1936). В том же году в Хельсинки выходит очерк о пребывании на Валааме группы русских скаутов³, удачно сочетавший краткое обозрение истории обители с описанием давно ставшего привычным для посетителей острова экскурсионного маршрута, иллюстрированный фотографиями А. А. Завьялова — лучшего из фотохудожников, работавших в монастыре... Паломничество это (как и пребывание в обители кн. А. В. Оболенской тремя годами ранее) пришлось на дни монастырского праздника 27–29 июня. Тогда же и Иван Сергеевич Шмелев, несомненно, вдохновившись текстом Б. К. Зайцева, как-то явно неудачно «доработал» свою юношескую и уже в первом издании подпорченную цензором книгу о совместной с супругою поездке на остров («На скалах Валаама. За гранью мира». М., 1897)⁴, и безвозмездно предоставил ее для публикации издательству Русского Типографского монашеского братства прп. Иова Почаевского в селении Ладомирова в Словацкой Республике⁵. Из получившейся книги «Старый Валаам» (Владиминова, 1936) исчезли многие прежние непосредственные наблюдения, яркие характеристики и откровенно высказанные недоумения, во многом лишив ее ценности живого исторического свидетельства⁶.

До начала новой мировой войны Валаам редко возникает на страницах европейских газет и журналов, хотя отдельные из этих публикаций информативны и сопровождаются превосходными, иногда даже — авторскими, фотографическими изображениями⁷. Поводом к возникновению потока статей о Валаамском монастыре стали советские воздушные налеты на остров, начавшиеся

³ Русские скауты на Валааме. Фотографии А. А. Завьялова. Издание «Общества друзей русских скаутов в Гельсингфорсе». Гельсингфорс, 1936. 27 с.

⁴ 125-летию опубликования книги И. С. Шмелева «На скалах Валаама» посвящена книжно-иллюстративная выставка «Валаамский дневник», проходящая в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Среди экспонатов и копии неизданных свидетельств о посещении острова, публикуемые сегодня.

⁵ «Я им отдал книгу для монастыря», — сообщал И. С. Шмелев Ольге Субботиной 10 октября 1941 г. (Шмелев И. С., Бредиус-Субботина О. А. Роман в письмах. М., 2003. Т. I. 1939–1942. С. 154).

⁶ Впрочем, переделанную книгу эту сам И. С. Шмелев, похоже, весьма ценил, что очевидно из многократных упоминаний о ней в столь важной для него романтической переписке с Ольгой Субботиной. Одобряли ее и читатели... (Там же. С. 594).

⁷ См. несомненно полезное для всякого незнакомого с русским монашеством и снабженное десятью прекрасными фотографиями описание поездки по обителям Финляндии и Эстонской Республики летом 1938 г.: *St. George C. F. L. A visit to the Russian orthodox monasteries of Valamo, Konevitsa and Petseri // The eastern churches quarterly. 1938. № 3. Vol. III. July. P. 162–170.*

26 ноября (старого стиля) 1939 г. С этого момента газеты на пяти континентах, включая колониальные издания на основных европейских языках, прилежно перепечатывают не всегда точные корреспонденции финляндских и шведских информационных агентств и о. Валаам приобретает действительно мировую известность, в том числе и благодаря стараниям игумена Харитона (Дунаева) и старшей братии обители, без устали отвечавших на вопросы журналистов и самостоятельно рассылавших по всему миру отчеты о борьбе монастыря за выживание. Радостное событие возвращения части братии в 1941–1944 гг. на в общем уцелевший Валаам достаточно часто освещалось в газетах и журналах Финляндской Республики и союзных ей государств.

* * *

Публикуемые новые материалы о посещениях острова Валаам — отчет о трехдневной гимназической поездке из Петрограда (по обыкновенному маршруту с остановками на оо. Коневец и Валаам⁸) в 1916 г. и дневниковые, 1933 года, записи парижской русской странницы (или, может быть, даже, к моменту ее приезда на Валаам, — уже сознательной паломницы).

Автор первого, невероятно живого, яркого и счастливого свидетельства — юная гимназистка Наталия Вадимовна Стаценко — дочь профессора Николаевской инженерной академии генерал-лейтенанта Вадима Платоновича Стаценко (1860–1918), инженера и архитектора, сегодня известного прежде всего тем, что, познакомившись с Ильей Ефимовичем Репиным в 1903 г., он спроектировал стеклянную крышу для мастерской художника в его доме в Финляндии, в поселке Kuokkala⁹. И дом, и мастерскую (правда, не в натуральном, а в наново отстроенном виде) можно посетить и сегодня в нынешнем поселке Репино Ленинградской области.

Авторство второго публикуемого документа — дневника пребывания в Швеции и Финляндии летом-осенью 1933 г. — принадлежит княжне Александре Владимировне Оболенской (1897–1979) — дочери князя Владимира Андреевича Оболенского (1869–1950), известного общественного деятеля и депутата первой Государственной Думы от Таврической губернии. «Кн. А. В. Оболенская вошла в семью РСХД с ее возникновения и примкнула к тесному кругу приближенных к о. Сергию Булгакову: встреча с ним определила всю ее жизнь. Осенью 1937 г. она приняла монашеский постриг в лоне Покровской общины: Париж, Муазенэ, Бюсси... В последние годы мать Бландина вернулась в Муа-

⁸ Красочное описание посещения обоих ладожских островов тремя годами ранее оставил ныне забытый литератор С. Г. Григорьев-Патрашкин (1875–1953), много писавший в петербургской газете «День». Приводимые фрагменты трех его очерков удачно дополняют рассказ автора публикуемого дневника.

⁹ Кириллина Е. В. Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 62–63.

зенэ, где самоотверженно ухаживала за умирающим о. Евфимием Вендтом»¹⁰ и сегодня известна в основном как одна из состроительниц русской монашеской общины в Муазенэ в 70 км от Парижа, знаменитой одним из самых изысканных памятников зарубежного русского искусства — храмом в честь Казанской иконы Богородицы, который расписал фресками крупнейший иконописец XX столетия инок Григорий (Круг).

* * *

«Ехала сюда усталая и сквозь усталость с каким-то духовным запасом и духовной жаждой одиночества и нахождения себя. Духовный запас порастратился, а жажда утихла, наполовину удовлетворенная: п. ч. я не нашла того, о чем думалось, но нашла себя все более утвержденной на старых позициях. Думаю, что это не упадок, это моя правда перед Богом сейчас», — записала А. В. Оболенская накануне отъезда в Финляндию из Швеции.

Но и после посещения Валаама, как можно узнать из записи от 26 сентября 1933 г., цели своей Александра Владимировна, как ей тогда представлялось, все же не достигла, хотя и оставила исключительные по красоте и живости заметки об увиденном и услышанном на острове Валаам, куда, вроде бы, поначалу и не особенно собиралась... Впрочем, возможно, знакомство с финляндской обителью в чем-то и способствовало последовавшему вскоре выбору ею монашеского пути, по которому она шла четыре десятилетия, увлекаемая и ободряемая сотнями друзей, знакомых и паломников, навещавших обители, в которых ей довелось жить.

«Всю свою жизнь, — отмечал Н. А. Струве, — она промечтала об особом монашеском подвиге, отшельничестве, странничестве, или об активном служении обездоленным. Эмигрантские условия, да может быть и недостаток волевого упора, не способствовали осуществлению этих несколько романтических мечтаний. Но обездоленные встречались всегда, а к ним мать Бландина имела особое влечение, ощущая их даже не как равных, а как своих, особо близких...»¹¹. Эти «поиски себя», начавшиеся еще в России и приведшие княжну Александру Оболенскую в Скандинавию и на о. Валаам, упоминаются в публикуемых фрагментах ее дневниковых записей. Именно этим поискам посвящена ее внушительная переписка с прот. Сергием Булгаковым, встреча с которым «в Симферополе уже незадолго до эвакуации»¹² из Крыма продолжилась четверть столетия. И свои

¹⁰ Струве Н. Памяти матери Бландины (Оболенской) 30-III-1897–21-XII-1974 // Вестник Русского христианского движения. № 114 (IV — 1974). С. 288.

¹¹ Там же.

¹² Письмо прот. С. Н. Булгакова Асе Оболенской 20 декабря 1922 / 2 января 1923 г. из Праги («Эпистолярное богословие». Из переписки отца Сергия Булгакова и Александры Оболенской / публ. Н. А. Струве // Вестник Русского христианского движения. № 200 (II — 2012). С. 13).

валаамские впечатления¹³ она заносила в тетрадь, подаренную ей о. Сергием Булгаковым для ведения в том числе и дневниковых записей...

* * *

1. Рассказ о поездке на о. Валаам Н. В. Стаценко записан в ученической линованной тетради в 32 страницы в бумажной обложке светло-коричневого цвета. Текст написан черными чернилами по правилам традиционной русской орфографии. Заполненные текстом страницы с 1-й по 16-ю пронумерованы автором в наружных верхних углах.

На обложке помещена этикетка с фигурно обрезанными краями с текстом: «Отъ школьной скамьи къ тихой пристани св. Валаама. Наталия Стаценко. VI^б кл. 1916 г.». На с. 16 после текста помещена приписка темно-коричневыми чернилами рукою священника Н. Ладыгина.

Текст дневника публикуется по правилам современной орфографии с сохранением авторской пунктуации и всех иных авторских особенностей. (Частное собрание. Санкт-Петербург).

2. Материалы Дневника княжны А. В. Оболенской публикуются по автографу, находящемуся в тетради в твердом переплете темно-коричневого цвета. На 2-й странице переднего форзаца надпись черными чернилами рукою прот. Сергия Булгакова, подарившего эту тетрадь автору:

Dominae Alexandrae Obolenskae
Die 23, mensis Aprilis, anno 1933
Prot. Sergius Bulgakoff.

Pars prima. Theologia epistolaris
(Theologia generalis, heortologia etc.)
Pars altera. Diarium.

[Госпоже Александре Оболенской
День 23, месяц Апрель, год 1933
Прот. Сергей Булгаков

Часть первая. Эпистолярное богословие
(Общее богословие, эортология и т. д.)
Часть вторая. Дневник]

¹³ Валаамский монастырь, возможно, и в последующие годы привлекал внимание монахини Бландины. Во всяком случае сохранился принадлежавший ей датированный 10 марта 1940 г. машинописный экземпляр рассказа, озаглавленного «В Коневский скит, к старцу схимонаху Николаю. Из воспоминаний о паломничестве на о. Валаам летом 1939 года», автор которого (скорее всего это М. Карамзина из Кивиыли в Эстонии) скрыт за подписью М. К. Возможно, что экземпляр попал к м. Бландине от знакомого ее юности, Константина Струве, будущего игумена Саввы из Русского монашеского Типографского братства преподобного Иова Почаевского в Ладомировой, в Словакии — в верхнем правом углу первого листа запись карандашом: о. Саввы.

Однако дневниковые записи и философские рассуждения вскоре смешались и, как отметила автор на 1-й странице, «все части перепутались». Публикуемые записи относятся к путешествию А. В. Оболенской по странам Скандинавии в июле-сентябре 1933 г., в которое она отправилась по возвращении из Великобритании, где в июне 1933 г. в местечке Хай Ли (High Leigh) участвовала в христианском англо-русском съезде, который произвел на нее очень сильное впечатление и вызвал немалое утомление: «Господи, я хочу, чтобы кроме всего что тут есть, мне бы осталось место для себя», — записала А. Оболенская 23 июня, а 28-го, накануне завершения съезда, отмечала: «А я живу здесь двойной жизнью. С одной стороны тут происходящее захватывает и все заполняет. А с другой стороны идет моя жизнь и моя тоска о пути. Все это так ужасно сложно: И я так ужасно бессильна. [...] Господи, неужели никогда не узнаю куда мне идти? Господи помоги». В последовавших странствиях она провела почти два с половиной месяца, из них около двух месяцев — в Швеции.

Текст написан чернилами различных цветов и карандашами — простым и фиолетовым без последовательного соблюдения орфографических норм. Печатаемые страницы дневника не нумерованы. Текст публикуется по правилам современной орфографии с сохранением авторской пунктуации и всех иных авторских особенностей. Фотокопия Дневника — из собрания прот. И. И. Верника (Париж).

I

Наталья Стаценко

От школьной скамьи к тихой пристани св. Валаама

VI⁶ кл. 1916 г.

От школьной скамьи к тихой пристани св. Валаама

„Наталья Вадимовна, пора вставать. Уже 6 час“. Ах! И чудные сны разлетелись, как дым, при звуке голоса горничной. Я открыла глаза, потянулась — и вдруг все вернулось мне на ум. Сегодня! Сегодня едем мы на Валаам! Сон был мгновенно забыт и, соскочив на пол, я стала быстро одеваться.

Яркие лучи теплого весеннего солнышка весело врывались в мою комнату. Сквозь открытое окно были слышны голоса рабочих с барки и звонкое пенье птичек. Я быстро одевалась, а сердце билось сильнее и радостней обыкновенного. Наконец-то удастся мне вырваться с этого скучного Крестовского и снова увидеть родную и близкую мне природу Финляндии! Длинное путешествие на пароходе, новая жизнь вдали от дома — все это казалось мне чудным и заманчивым. Одевшись, я выпила кофе, осмотрела свой чемоданчик и, поцеловав спящую сестренку, пошла проститься с родителями. После нескольких напутственных слов папа сунул мне в портмонэ 25 руб. „на личные расходы“, перекрестил меня и пожелал счастливого пути¹. Я попрощалась с ним и с мамой² и, сопровождаемая денщиком, несшим мой чемоданчик, вышла на улицу.

Весь путь от дома до гимназии меня не покидало то радостное чувство, с которым я проснулась. Вся природа кругом улыбалась мне, и я отвечала ей такой же улыбкой. Наконец, я доехала до Б[ольшого] проспекта. Там меня ждала моя одноклассница — Галя Невяровская. Поздоровавшись, мы уселись в трамвай и уже продолжали наш путь вместе. Болтая о предстоящем путешествии, мы незаметно доехали до Калашниковской пристани³. Там уже собрались наши гимназистки. После недолгих сборов мы взобрались на пароход и разместились где кому нравилось. Я села на нос, вытащила из чемоданчика свою работу и, во ожидании отплытия, стала вышивать. Скоро пароход стал наполняться; прибыла мужская гимназия и реальцы. Ровно в 10 час[ов] раздался третий гудок и мы тронулись. Замелькали лодки, пристани, дома и деревья⁴. Легко раз-

¹ В описываемое время среднее месячное жалование рабочих текстильных фабрик, в непосредственной близости от которых находилось Валаамское подворье, составляло от 7 до 20 рублей в месяц (Средний заработок рабочих в России // День. 1913. № 180 (268) (8 июля, понедельник). С. 4).

² Александра Васильевна Стаценко.

³ Т. е. до освященного в 1834 г. Валаамского подворья на Калашниковской (с 1952 г. — Синопской, дом 34–36) набережной, откуда отправлялись пароходы на о. Валаам. Теперь здесь часовня Валаамского монастыря, в которой, впрочем, даже молебны не совершаются регулярно...

⁴ «Из фабричных окон работницы машут платками и космами серовой пряжи. Так необычно видеть открытые окна фабрики. Проходишь мимо фабричного корпуса, как мимо тюрьмы: наглухо закрыто, у “проходной” угрюмый сторож. Сквозь запыленные окна ничего не видно, кроме серого сумрака, ничего не слышно, кроме злобного шипения тысяч веретен. А тут вдруг окна на солнце раскрыты, в них оживленные лица, и весело машут нам и кивают, провожая. И с парохода отвечают поклонами и машут платками. Опять фабрика, и снова из открытых окон прощаются с нами. Отлетело будничное чувство. Мы плывем в какую-то неведомую страну» (*Паптрашкин С.* На Валаам // День. 1913. № 179 (267) (7 июля, воскресенье). С. 3).

резая носом воду шел „Валаам“ (название нашего парохода) по реке, и виды сменялись видами. Ветер стал свежеть и крепнуть, т[ак] ч[то] мне пришло одеть вязанную фуфайку. Сидя на большом ящике у самого борта, я глядела, как постепенно городские постройки стали сменяться деревенскими избами и зелеными холмами и лугами, и невольно замечталась. Путешествие на Валаам было первым, если не считать поездки в Ревель и в Вильно, которую я совсем не помню, т. к. мне тогда было около году. Немудрено, что оно так волновало и радовало меня.

Но вот однообразные виды окрестностей Петрограда прискучили мне; я села на носу на сверток канатов и стала разговаривать с Невяровской. Я рассказывала ей о доме, о своих родителях и братьях⁵, о сестре Танюше, 14-летней девчоночке, моей любимице. Незаметно мы миновали Неву и вышли в Ладожское оз[еро]. Я так увлеклась рассказами, что не заметила, как исчезли невские берега и со всех сторон нас обняла широкая водная равнина. К вечеру на горизонте показалась узенькая черная полоска земли, и в 9 час. мы уже подходили к о[стро]ву Коневец. Здесь мы должны были переночевать, а на следующее утро отправлялись дальше. Нас отвели в гостиницу при монастыре, где мы оставили наши вещи, а затем все отправились в церковь. Полутемный храм, какое-то особенное пение молитв и неподвижные силуэты монахов — все это наваяло на меня новое странное чувство. Мне показалось, что я попала в далекий незнакомый мне мир, с совершенно иными людьми. Эти люди, чуждые земных интересов, соединенные одной общей любовью к Богу, имели только одну цель — исполнить заповеди Христа и этим спасти свою душу, у меня же в жизни было много целей, но как далеки были оне от этой!

Служба продолжалась недолго. По окончании ее мы пошли осматривать Коневец. Солнце уже зашло, и сквозь темные силуэты деревьев виднелись полоски огненно-красного неба. Было свежо, и легкий вечерний ветерок слегка шевелил верхушки сосен.

Мы шли довольно долго. Я брела позади всех, изредка останавливаясь, чтобы сорвать только что распустившийся цветочек или поднять какой-нибудь красивенький камешек. Здесь было так тихо, так спокойно и привольно, что душа с наслаждением отдыхала от шумной и городской жизни.

Наконец мы пришли к огромному камню, отдаленно напоминающему конскую голову, откуда остров и получил свое название. Тут же находилась небольшая часовенка. При звуке наших голосов из часовни вышел старик-монах и приветливо поздоровался с нами. Пока мы рассматривали камень, он беседовал с батюшкой. Осмотрев еще некоторые замечательные места вокруг камня, мы попрощались с монахом и отправились обратно. В монастырской гостинице нас свели в предназначенные нам комнаты и, напившись чаю, мы улеглись спать.

На следующее утро я встала очень рано и, быстро одевшись и закусив оставшимися с вечера бутербродами, пошла в сад. Найдя себе удобное место на скамеечке в самой глубине сада, я вытащила из кармана альбомчик и краски и стала зарисовывать некоторые понравившиеся мне виды⁶. Так прошло время до 8 час., когда Невяровская

⁵ Т. е. о Михаиле и Владимире Стаценко. В 1918 г. И. Е. Репин нарисовал портрет супруги Михаила Стаценко — Александры Борисовны Ридингер (1894–1948), внучки И. И. Шишкина.

⁶ Ср.: «Коневецкий монастырь меня поразило именно своим индивидуальным ароматом. Вокруг монастыря целая роща белых полудиких роз. Богомолки без зазрения совести обламывают розы целыми вениками, а архиерею [епископу Владимиру (В. В. Путяте)]. — А. К.] на дорогу в Валаам собрали, как невесте, белый

пришла за мной предупреждая, что в 9 час. мы двигаемся дальше. Я спрятала свои пожитки и возвратилась с ней сначала в гостиницу, а потом на пароход. В 9 час. мы уже покидали Коневец и направлялись на Валаам.

Озеро было спокойно и путешествие наше прошло без всяких приключений. В полдень мы подошли к Валааму. Осторожно миновав небольшой пролив между двумя островками, пароход остановился у пристани и мы стали высаживаться. Сначала нас отвели в монастырскую гостиницу, а потом, приведясь немного в порядок, мы отправились на прогулку⁷. У берега нас ждала огромнейшая баржа, в которой мы и разме-

букет окружностью в колесо. И оттого, должно быть, так пышно и цветут белые розы, что их без пощады ломают. Полянки среди розовых кустов — ковер левкоев. А к этим двум кадилыницам запахов надо прибавить стоялый аромат сосны и ели оттого так и обдало сразу пароход пряной волной. Но надо только пройти вокруг монастыря и выйти на берег, чтобы почуять подлинный коневецкий запах. От Коневца пахнет пресным морем. На лилового-красный пляж набегает мягкая волна и ропщет непрестанно. И остров среди пресного моря пропах водой, чистой, прозрачной, чуть-чуть желтоватой, будто в ней растворены янтари, и до того пропах, что упоительно свежего запаха воды не могут заглушить ни ель, ни розы, ни левкой...

В монастырском лесу, прорезанном под парк, на скамеечках сидят монахи и беседуют с богомолками. Надо идти смотреть Конь-камень, над которым наши предки приносили забытым теперь богам в жертву коней... И не хочется... Лучше пойду на закат» (*Патраишкин С.* На Валаам // *День.* 1913. № 184 (272) (12 июля, пятница). С. 3).

⁷ Ср.: «Есть хорошее русское слово: веселый. Правда, оно загажено, но если вокруг этого слова покадить ладаном, то лучшего эпитета для Валаама не отыщешь. Осенью и зимой тут бывает, пожалуй, хмуро и сурово. Но довольно одного такого веселого дня, чтобы его светозарных улыбок хватило на целый год. Веселый остров Валаам! Весело подкатывают к паровой пристани сытые, раскормленные лошадки. На козлах вместо извозчиков сидят, улыбаясь, монашечки [sic!] в франтоватых колпаках удивительного своего валаамского покроя (в монастырях есть свои моды). Одним духом взлетает шарбанчик на невысокую гору и останавливается перед белой в зелени «гостиной». Не гостиница, а гостиная. Платить извозчику не надо. Нельзя. Никак. «Спаси Вас, Господи!» — отвечает на предложение денег кучер и, хлестнув вожжами, снова уносится за другими гостями. Вместо швейцара — монах в клубке. Глаз у него зоркий и наметливый: надо знать, как какого гостя поместить, а все же на лице его застыла спокойная улыбка. На стенах «гостиной» вместо реклам швейцарского шоколада и духов «одер ди фемина» развешаны описания верных способов достигнуть вечного блаженства. На лестнице — печатное объявление: отец, заведующий гостиной, просит, уходя из номеров, закрывать окна, во избежание пропажи мелких вещей и съестных припасов, уносимых воронами. Как хорошо! Платить никому ни за что не надо. Вместо воров-форточников — вороны. Паспорта не спрашивают. Даже в книге не заставляют расписываться. Весело пожить хоть денек без паспорта, денег, имени, вероисповедания, без печатной бумаги и без зеркал. Раствориться во всем. Покупать на Валааме можно только следующие вещи: 1) свечи, 2) просфоры, 3) книжки, 4) образа, 5) пояски с молитвами, 6) деревянные ложки с рукояткой в виде рыбы, 7) могилы, 8) намогильные памятники. Но эти покупки делать совсем не обязательно. Когда вы будете уезжать из гостинной вниз, у лестницы стоит большое блюдо, а на нем пересыпанные медяками и серебром кредитки. Рядом стоит отец, гостиник, и скрестив руки, смотрит не на вас, а в открытую на зеленый двор дверь. Сколько вы положили — пять копеек или сто рублей, ему безразлично. А деньги лежат грудой и оползают к краям. Но это будет потом, а пока можно жить без денег. Курить запрещено по всему острову безусловно. Я не курю. Мне легко. Один клиросный монах уверял меня с полной серьезностью, что на колокольне сидят и смотрят в подзорные трубы, чтобы не курили и «вообще мало ли что можно делать...» — «А если в лесу?» — спросил я наивно. «Так ведь дымок хоть маленький будет. Им там видно!» Смотрит и улыбается. Весело. «Генерал на прошлой неделе приехал. Если, говорит, мне не курить — я умру. Посадили его на пароход и отвезли в Сердоболь...» Вино на Валааме только для таинств. Тот же певец признался, что он — по профессии архитектор, по его чертежам возводятся все монастырские постройки, а сюда пришел отдохнуть от запоя, да тут и остался, вот уж три года». [...]

Номер в гостинной бело выбелен с голубиной. Вместо потолка — свод. Чистая постель. На стенах старинные литографические виды монастыря. За окном зеленый сад. Хочется все сразу обегать и оглядеть... В коридоре вереницей стоит народ перед одной из дверей. На двери небольшой печатный плакат о том, что старец по благословению игумена принимает желающих с ним побеседовать и посоветоваться в такие-то часы»

стились. Кроме нас туда уселись гимназисты и реалисты, приехавшие с нами осматривать Валаам, богомольцы и несколько монахов. Монахи-матросы с барки перекинули конец на буксирный пароход и мы медленно отчалили. Эта поездка произвела на меня глубокое впечатление⁸. Под стройное хоровое пение богомольцев мы тихо скользили по зеркальной поверхности залива. Казалось даже, что мы стоим на месте, а⁵ мимо нас плывут высокие и крутые, покрытые густым хвойным лесом, скалы, подводные камни, высокий и стройный камыш... Вот⁶ пароход завернул за выступом скалы и начал постепенно замедлять ход. Вскоре он совершенно остановил работу машины, и, повинаясь инерции, мы стали медленно подходить к невысокой и узкой каменной арке, перекинутой в виде моста с одного островка на другой в том месте, где они сходились почти на 2 сажени. Наступила трудная минута. Все притихли, с напряженным вниманием следя за движением парохода. Мы вошли под арку. Мгновенье — и край баржи с легким треском стукнулся о каменную стенку моста. Я вздрогнула. Но в ту же минуту солнце снова засияло над нашей головой и хор богомольцев громко запел „Достойно есть, яко воистину...“ Машина снова заработала, и мы поплыли дальше.

Яркое весеннее солнышко отражалось в воде, серебристые чайки сверкали в воздухе ослепительными пятнами, и дикие утки то и дело вылетали из[-]под самого носа парохода. Видно было, что здесь человек живет в мире с животными.

Наконец мы подошли к берегу и остановились. С берега нам перекинули маленький мостик и мы перешли по нему. После недолгой, но довольно утомительной, вследствие частых подъемов в гору, прогулки, мы дошли до скита Всех Святых. К сожалению, однако, женщин туда не пускали, т[ак] ч[то] нам пришлось остаться вне монастыря.

⁵ далее зачеркнуто вокруг; ⁶ далее зачеркнуто барка

(Патрашкин С. На Валаам // День. 1913. № 184 (272) (12 июля, пятница). С. 3). О наблюдениях в зрительную трубу с колокольни упоминал еще в 1897 г. И. С. Шмелев, хотя собеседник его указывал на иной характер использования этого наблюдательного инструмента: «Туман таперича на озере. Не идет пароход, а надоть бы ему притти... Манашек тут у них и приспособлен для этого случаю... Ну и лезет он на самую высь, к кресту, сядет там да в тую трубу и глянет... И увидит монашек пароход скрозь туман, и сичас затрезвонят во все колокола. Пароход и бежит на звон, и чувствует, а без звону-то по туману он и мимо пролететь может али на камень наскочит... Вот труба-то какая...» (Шмелев И. С. На скалах Валаама. М., 1897. С. 99). При посещении колокольни, в верхнее ее отделение, «где стоит зрительная труба», Шмелева не допустил «назначенный к трубе послушник» (Там же. С. 111). Отметим, что в 1914 г. в журнале «Огонек» был помещен фотографический снимок монаха с подозрительной трубой, возможно — на колокольне Спасо-Преображенского собора, с пояснительной подписью: «Ловля винной контрабанды на Валааме» (Огонек. 1914. № 23 (8 (21) июня, воскресенье). С. 7).

⁸ Ср.: «По дальним валаамским скитам паломников возят на больших лодках. Каждая лодка вмещает на скамьях и по бортам до двухсот или трехсот человек. Монастырский пароходик, зачалив одну, две, а то и три таких открытых, бездечных барки, быстро и бесшумно ведет их на буксире вдоль берегов Валаама. Кто вырос на Волге или на Неве, у того с буксирным пароходом связано представление о криках и руготне. На валаамских барках нет даже рупора, или, на речном жаргоне, “матерной трубы”. При отходе от одной из скитских пристаней у нас заело в сваях буксир, и пароход, сразу взяв ход, едва не опрокинулся. На пароход и на барках ни один из бородатых матросов в колпаках и подряниках даже не вскрикнул. Работали, вызволяя канат, без крику. С шкипером парохода на расстоянии сорока сажень монахи с пристани говорили тихо, как в комнате. А на воде все ясно слышно. Паломники даже разгорячились» (Патрашкин С. На Валааме // День. 1913. № 191 (279) (19 июля, пятница). С. 3).

⁹ «В лодке на корме сидят певцы. Когда на зелени берегов мелькнет крест часовни, певцы встают и величают святого. Лодка, словно на полозьях по гладкому молодому льду, катится по воде. Пароход забирает вглубь озера. И певцы запевают валаамский гимн: “О, дивный остров Валаам!” Ради этого гимна в лодку к певцам присаживаются любители с печатными листочками в руках». (Там же).

От нечего делать мы занялись собиранием цветов. Через полчаса батюшка вернулся и мы двинулись дальше. Посетив еще один скит мы вернулись домой. Вечером мы ужинали за общей трапезой, а после ужина^а отправились в церковь на всенощную. Утомленная долгой дневной прогулкой и массой новых впечатлений, я с удовольствием стояла в этой мирной обстановке, среди простых и приветливых монахов. Мне нравилась эта церковь с людьми, так непохожими на наших, Петроградских. Никогда еще не слушала я службы так внимательно, никогда еще слова молитвы не звучали для меня так просто и так понятно.

Сама церковь мне также очень понравилась. Особенно хороши были Царские Врата, отделанные замечательно красиво и богато. Понравилось мне также и то, что в церкви было устроено два хора (чего мне еще никогда не доводилось видеть).

После службы я возвратилась домой, но спать еще не легла, а села писать письма. Потом села к окну и залюбовалась милой белой ночью. Я так люблю их, эти белые ночи! Но понемногу сон стал одолевать меня и я легла спать.

На следующее утро я встала очень рано — 3½ ч[аса] ут[ра]. Мне обязательно хотелось попасть на раннюю обедню, которую служил наш батюшка. К 5^м часам я^б пошла в церковь. Простояв всю службу, я вернулась в гостиницу и, захватив альбомчик и краски, расположилась в саду рисовать. Так приятно уметь запечатлеть на бумаге все то красивое, что видишь вокруг себя! Я рисовала довольно долго и закрыла альбомчик лишь тогда, когда зарисовала в него все, что мне нравилось.

После поздней обедни, на которой присутствовал игумен^в, мы завтракали, а затем отправились на экскурсии. Как и вчера, мы уселись в баржу и доплыли до Воскресенского скита, где находится частица камня от гроба Господня. Говорят, что камень этот всегда горячий. Мы пошли приложиться к нему. Он^г находится в помещении, устроенном в виде пещеры. Вход в эту пещеру так мал, что приходится наклоняться, чтобы пройти. Из Воскресенского скита мы направились в скит Гефсиманский. После короткого молебна, мы осмотрели его. Особенно хороши были Царские Врата и принадлежащая [sic!] к ним стена, сделанные из резного дерева. Из Гефсиманского скита мы уже не пошли дальше, а стали собираться в обратный путь. Часть девочек разместилась в барке, а батюшки и другие девочки (очень немногочисленные, правда), в числе которых находилась и я, пошли домой пешком. Мы шли довольно долго, но все кругом было так красиво, что я совершенно не чувствовала усталости. По дороге мы встретились с гимназистами и их батюшкой. Чтобы мне было веселей идти, он познакомил меня с одним из гимназистов — первым учеником. К сожалению этот „первый ученик“ оказался совершенно „зазубренным“ мальчиком, т[ак] ч[то] разговаривать с ним было очень трудно. Таким ли был мой брат, когда учился в Первом корпусе^г? Ведь в году он имел средний балл — 11,89, а такой был шалун, что все гувернантки его боялись!

Пришли мы домой к обеду. Вот обеды и завтраки — это было то, что мне меньше всего нравилось. Но это вещь очень маловажная, т[ак] ч[то] я даже не обращала на это

^а далее зачеркнуто двинулись; ^б далее зачеркнуто про; ^в далее зачеркнуто лежит в

¹¹ В это время игуменом Спасо-Преображенского монастыря был о. Маврикий (Михаил Иванович Баранов; 30 декабря 1838 — 9 февраля 1918), управлявший обителью в 1907–1918 гг.

¹² Первый Кадетский корпус существовал в Санкт-Петербурге/Петрограде в 1732–1918 гг. и располагался в помещениях дворца А. Д. Меншикова.

внимания. Вечером мы пошли прогуляться по берегу моря. Придя к одной небольшой полянке, мы устроили там привал и затеяли игры. Время пролетело незаметно, и когда М^{ме} Лопатина позвала нас домой, мне показалось, что мы не провели здесь и 10^{ми} минут.

Вернувшись домой, мы решили сейчас же лечь спать, т. к. на следующий день мы должны были встать особенно рано, чтобы успеть набрать игумену букет цветов. Было условлено, что тот, кто проснется первый, разбудит других. После этого, завернувшись в одеяла и пожелав друг другу спокойной ночи, мы заснули.

Я проснулась первая, солнечный зайчик прыгнул мне прямо на лицо и заставил меня сначала открыть глаза, а потом зажмуриться. Боже, как не хочется вставать! Разве нельзя полежать еще четверть часа? Ну, или хоть десять минуточек? Конечно, можно. Полежу еще чуточку, а потом встану сама и разбужу других. Я повернулась на другой бок и натянула одеяло на самый нос. Однако, для успокоения совести, я все-таки взглянула на часы прежде чем закрыть глаза. Ну, конечно же, еще рано! Только половина третьего! Глаза мои закрылись сами собой и я уснула.

Когда я снова проснулась, яркие солнечные лучи весело врывались в комнату через небольшое окошечко, и шаловливо освещало [sic!] пять спящих девочек и шестую — только что проснувшуюся. Я взглянула на часы. Ай! Уже 6! Я проспала! Соскочить с постели, разбудить Елену Семенову, одеться, вымыться и причесаться — все это было делом четверти часа, по проществу которого мы уже быстро выходили из ворот монастырской гостиницы и направлялись в лес.

Снег в лесу еще не совсем растаял, а из[-]под прошлогодней травы и сухих листьев уже выглядывали белые с нежными голубоватыми жилками головки подснежников. Милые цветочки, казалось ждали нас и мы спешно принялись срывать их, перебегая от одного места к другому. Наш букет все рос и вскоре сделался таким большим, что мы не могли удержать его в руках, а цветов не только не убавлялось, но, казалось, было еще больше, чем прежде.

Но вот мы окончили нашу работу и уже направлялись домой, когда на дороге нам встретился батюшка с моими одноклассницами, направлявшийся осматривать Никольский скит. Я присоединилась к ним, а Семенова отправилась домой.

Утро было ясное, солнечное, но не жаркое, т. ч. прогулка пешком была для меня чистым удовольствием. Мы проходили мимо мест, красивей которых я никогда не видела. В озерах, окруженных с трех сторон скалами, плавали дикие утки; высокий тонкий камыш наклонялся к воде, любуясь своим изображением на зеркальной поверхности; где-то пели невидимые пташки, и бабочки с пестрыми крылышками, кружились над цветами.

Наконец мы пришли к заливику, отделявшему нас от Никольского скита. На встречу нам вышел монах-лодочник, который и перевез нас на другую сторону залива. Мы поднялись немного в гору и вскоре очутились перед скитом. Пошли осматривать его. По стенам и в виде фресок — всюду изображения св. Николая и чудес, совершенных им. Замечательно в этом ските изображение св. Николая, вырезанное из дерева в человеческий рост. Изображение это, однако не выставлено на виду, а сохраняется в алькове, дверцу которого составляет икона с изображением св. Николая во весь рост¹³. Батюшка объяснил мне, что поклонение статуям несколько напоминает идолопоклонничество, а поэтому это изображение спрятано от людей.

¹³ Изображение этой статуи святителя Николая известно по многочисленным фотографическим снимкам.

Спасо-Преображенский монастырь на о. Валаам в свидетельствах...

Но было уже поздно, и нам пришлось поспешить возвращаться. На обратном пути мы зашли осмотреть монастырские мастерские. Были в иконописной, медницкой и часовой мастерских, были и в хлебопекарне. Работают всюду тихо, без столь обычных в наших мастерских криков и ругани. Все это поразило меня и казалось мне новым и непривычным.

Наконец нам сказали, что пора идти в церковь. Простояв службу около раки с мощами преподобных Сергия и Германа, мы отправились просить благословения у игумена. Монах пригласил нас обождать в приемной и пошел доложить о нас игумену. Мы выстроились в шеренгу, — девочка с букетом цветов впереди — и стали ждать. Через несколько минут дверь отворилась и в приемную вошел игумен. После небольшой речи, в которой батюшка благодарил его за гостеприимство, игумен благословил каждую из нас образками с изображением св. покровителей Валаама и книжкой с описанием этого острова, и мы вышли. Не прошло и часа, как мы снова сидели на пароходе „Валаам“. Загудел свисток, застучала машина — и мы медленно отчалили, унося в душе то чувство спокойствия и мира, которое доступно лишь вдали от шумной и суетной городской жизни.

5+

По содержанию и изложению работа может быть названа выдающеюся и талантливой.

Читая это прекрасное сочинение я снова живо и глубоко пережил чудные настроения незабываемой экскурсии на Валаам...

Свящ. Н. Ладыгин

II

Княжна Александра Владимировна Оболенская

Самой себе

23/IV 1933

— 6 мая

[л. 1] Нужно самое обыкновенное смирение, чтобы писать в этой тетрадке. Т. е. не нужно думать, что пишу плохо, п[отому] ч[то] все равно плохо. Не нужно смотреть, (хоть здесь!), на себя со стороны. Господи, помоги мне в этом. Нужно наоборот: не на себя смотреть, а из себя смотреть. На людей, на мир, на Бога. И только наравне с этим на себя, — так чтобы видеть грех свой и высвободить себя из него. Так, чтобы все время знать о Божием взгляде, так, чтобы знать об Его присутствии и о Его суде. И потому не принимать никаких поз, а жить в своей подлинности. Господи, помоги мне в этом.

[л. 1 об.] 15/VII 33.

Пароход „Belgia“ из Антверпена в Гетеборг. Безбрежное море и бездонное небо. Время как будто остановилось, а вместе с тем уже прошло больше суток, что я здесь неизвестно где в море под небом.

Княжна Александра Владимировна Оболенская

Так боюсь, что время пройдет и я так ничего и не пойму. Я хочу понять хоть самую малость в том великом явлении моря, которое передо мной. Великое и таинственное, манящее и страшное равнодушное и трепетное море. Мне нужно понять какую-то его философию, то что оно своей немотой говорит. Это конечно невозможно выразить, но можно как-то выразить мысли, которые оно во мне вызывает. [...]

Suède

10 августа 1933

Lidingo. Brevik

Вот оно давно не испытанное блаженство: я одна. Сажу на уступе серой скалы и подо мной серое море. Северное солнце греет — не жарко. Я сажу высоко. Куда ни помотришь — острова и из-за них и между ними то и дело плывут лодки парусные, моторные. Чувствую я, что могу сидеть здесь без конца и без конца смотреть. И впитывать эту серую, чуть-чуть, в меру тронутую красками элегическую спокойную задумчивость северной природы. Вот опять надула парус, наклонилась и поплыла белая лодка. И вдруг идет большой белый пароход — в Финляндию. Поплыву я на таком, если Богородице это угодно. Чайки, лодки, яхты, пароходы — белыми точками — здесь и там. И почему-то здесь — я — зритель жизни?

12 августа.

Lidingö. Brevik

Устала от людей. Но бывают благословенные минуты одиночества. И устала смотреть на море с пароходами. Потому так блаженно, когда кругом только лес. Сажу на ласковом мху и кажется мне, что камень рядом со мной чувствует мою к нему нежность. И на всех нас, на камень, на мох, на маленькую сосенку и на меня ласково смотрит солнце. Пригревает приятно, но не жарит и не печет. Почему-то здесь вся земля такая простая и такая душевная¹⁴. Очень понятны тролли — существа в промежутке между человеком и природой. Здесь так много мест, где природа живет одна, без человека. И ей необходимо какое-то с кем-то душевное общение. И вот тролли живут во мху, в камнях, и ни мху, ни камням, ни сухим листьям — не скучно...

Но разве это все? Разве ей этого довольно? Ей — природе. Этого: расцветания под небесными лучами солнца, смотрения в небо, впитывания и расточения сил жизни, соков земли, и душевного общения с троллями?

Вот прихожу я в этот лес и сажусь на гостеприимный мох и кладу часы и тетрадку на камень. Я — человек. Если бы я была язычницей, я бы тут стала поклоняться бы моим богам и пришли бы тролли и рассказали бы мне еще о многих лесных богах, которых я не знала и все вместе мы бы стали поклоняться им. Так легко, слишком легко это себе представить. Безумство.^a

^a внизу притиска рукою автора За это безумство наказана болезнию

¹⁴ Близко знавший мать Бланину Никита Алексеевич Струве вспоминал в заметке, посвященной ее памяти: «Не забыть тем, кто ее знал, ее любви к природе и земле: как, еще на восьмом десятке, к удивлению местных жителей она бодро выезжала на тракторе возделывать монастырские поля; как в сетке весело вынимала соты из ульев; ее легкой поступи по огородным грядкам; ее тонкого юмора (необходимого в духовной жизни: признание, что Дух больше всех своих проявлений), не покинувшего ее даже в предсмертном бреде; ее милующего сердца» (Струве Н. Памяти матери Бланины (Оболенской) 30-III-1897-21-XII-1974 // Вестник Русского христианского движения. № 114 (IV — 1974). С. 288–289).

Спасо-Преображенский монастырь на о. Валаам в свидетельствах...

Но я больше, чем только человек, я — христианка. Так особенно нужно помнить об этом своем звании в этом лесу. П. ч. здесь все полно собой, своей природной душевностью. И если о Христе не помнить, то здесь трудно о Нем узнать. Где здесь Христос, где здесь Пресв. Троица, где Дух Св. везде сый и вся исполняяй? Верой знаешь, опытом — нет. Или это какой-то наважденческий, бесовский, призрачный опыт? — Я не знаю. Но этот опыт такой: Если бы в этом мире не нес в себе Христа человек, то Ему бы не было никакого другого места. Природа „обошлась“ бы без Него, не как бунт, а потому что она Его не знает. В ней заложен образ Его, т. о. какая-то потенциальная, спящая память о Нем, т[ак] ч[то] земля почувствовала Его шаги на себе, сотряслась от Его смерти и дерево впитывало Его кровь, и вода принимала в себя Его тело и небо расступалось перед Возносящимся. Но это все очень подспудная память, хотя и реальная во всей реальности, п. ч. и земля, и вода, и воздух после этого изменились (хотя изменились как бы потенциально, как бы получили какой-то залог). Только память (спящая, не сознающая память) и только залог. А в человеке живет Христос вечный и прославленный.

* * *

„Душа человека по природе христианка“.

А еще и по вере и по благодати.

Душа природы по природе язычница.

И — какая из них победит?

23/VIII

Вероятно я больна в наказание за мое язычество. Когда я встала с земли, с „гостеприимного мха“, я почувствовала как по мне пробежала дрожь. Я вот теперь лежу с безумной болью — в спине и в ногах. Сейчас лучше п. ч. лекарство выпила от боли. Я очень уверена, что это наказание за язычество.

26/VIII

Lidingo Brevik

Ночь, все спят. Хочется пободрствовать — одной. Я больна и я не знаю чем кончится эта болезнь и попаду ли в Финляндию. Но я очень хочу, очень хочу: предавать себя Божией воле. Это одно. А другое относительно моей болезни: я ее воспринимаю как наказание.

Можно житейски думать об наказании, и в этом есть правда: была неосторожна, сидела на серой земле и вот наказана за неосторожность. Это так. Но для меня м. б. еще реальнее другое объяснение наказания Господи и хочу нести его в той мере, в которой Ты дашь: я наказана за мое минутное язычество, за мое поклонение идолам. Господи, Ты знаешь. [...]

27/VIII 33

Канун Успения Пресв[ятой] Богородицы. Провожу его так (ура!): когда все уехали кататься — дом пустой и молчаливый. И я читала вечерню и утреню с акафистом и Успенским каноном и стихирами. [...] Я здесь одна, но когда читала службу — да и теперь, — п[тому] ч[то] в других местах служба еще не кончилась, — я знаю, что я не одна, а что духовно мы все собраны у Ея плащаницы, как когда-то Она „легким облаком Апостолов собрала“.

Господи, не умею благодарить. Кажется теперь уже не будет хуже, чувствую, что получила какой-то залог здоровья и поправляюсь.

Скоро конец моей жизни тут. Не хотелось уезжать от отдыха и беспечности, но хочется теперь, п[отому] ч[то] отдых — отдых, а жизнь — жизнь. И вот люблю жизнь. Несмотря на то, что все так впереди неопределенно и ясно только то, что придется мыкаться в погоне за работой, — мечтаю о Париже, о моей жизни там, о людях, о церкви. По этому всему, по всей даже нашей эмигрантской убогости (и по нашей бесценной свободе!) у меня вдруг открылся голод. Если бы я тут это время жила в подобранном духе, то больше бы было какого-то проку и толку. Но я здесь отдыхала, т. е. бездельничала. Ехала сюда усталая и сквозь усталость с каким-то духовным запасом и духовной жаждой одиночества и нахождения себя. Духовный запас порастратился, а жажда утихла, наполовину удовлетворенная: п. ч. я не нашла того, о чем думалось, но нашла себя все более утвержденной на старых позициях. Думаю, что это не упадок, это моя правда перед Богом сейчас. И вероятно нужно много еще искать, п. ч. не доискалась пока. Господи, Ты видишь, что я говорю свою правду и у меня нет другой¹⁵.

Случайная страница.

Пароход „Oihonia“ идет в Финляндию. И я каким-то образом на нем. Думала: невозможно уехать, и вот уехала. И сейчас смотрю на серые острова — серые камни облизанные морем. У них у всех круглые очертания и гладкая поверхность. Понятно: нет счета векам с тех пор как их лижут волны и обсасывает море. Это и есть для меня „желанная страна“. — Финляндия — и поеду на Валаам. А на некоторых островах темная зелень — сосны. Холодное, тяжелое, густое море. Что мне увидеть, что мне услышать в твоей хмурой суровости? Вот чайки живут здесь всю свою жизнь — спят на серых камнях — островах и гоняются за рыбой и за проходящими пароходами.

¹⁵ Двумя годами ранее А. В. Оболенская писала прот. С. Н. Булгакову: «Но у меня есть вдруг такая сильная вера, что хотя мы все состоим из обломков, что хотя мы стоим на обломках и под нами уползает куда-то и расступается земля, так что все время нужно удивляться, а верить в то, что тонкая ниточка, которая протянута с неба, не рвется, — не могу сказать, какая моя вера.

Я думаю о нас, и основное, что в нас свет, потому что на нас падает Божий взор. На нас всех и на это наше дело, на наше упование Бог смотрит с неба. Мы бессильны и недостойны, но ужасно хочется быть детьми Божиими и Богу-Отцу приносить наше дело и нашу жертву, так чтобы православная культура была нашей жертвой Богу Отцу. Жертвой в том смысле, что самое ценное, самое лучшее, самое красивое то, что для рая. Жертва — это то, что для рая, и то, что жертвуется, т. е. не легко, а трудно и через аскезу. Радость — страдание.

То, что есть на это с неба Божий взор, — это ужасно сильно. Это как солнечный луч, который через стекло может зажечь дерево, это гораздо сильнее всех наших сил. Это делает то, что вдруг делается какое-то средоточие, какой-то фокус лучей и возможностей. Фокус идей, которые вообще сильнее всякого оружия.

Одна вера — в этот Божий взор. Другая — в то, что в немощи все же есть достойное Божиего взора, то, что притягивает Божий взор, то на земле, что Бог любит, что Он создал для того, чтоб приносило плод. Мне кажется, вообще Православная культура — то общее дело, которое в наши времена нужнее всего нам и Богу — (в наши времена и в Нашей жизни тут. В России — не знаю, но может быть тоже)» («Эпистолярное богословие»). Из переписки отца Сергия Булгакова и Александры Оболенской. С. 23–24).

Вернулась от литургии, не оставшись на молебне. От всех искушений вчерашнего дня литургия возвращает опять в область настоящих ценностей жизни, которые так легко теряются нами в распухающих мелочах. Господи, отчего не умею благодарить Тебя?

Пошел дождь за окном. Сижу в нашей комнате в монастырской гостинице. Тепло и это хорошо для моей спины. Хочу мою болезнь принимать из рук Божиих как все, что Он дает.

Меня мучает здесь, что столько у меня впечатлений и я столько вижу своим наблюдательным зрением, что как[-]то не только не могу записать всего, как мне хотелось, когда я сюда ехала, но и не могу как-то сама осознать своих впечатлений.

ВАЛААМ

Посвящается моим чудодеям и путеводителям
рабам Божиим Б[орису] С[ове]¹⁶ и А[нтонине] Ж[аворонковой]¹⁷

О Валааме

Утро в Сердоболе. Рассвет. Солнце прорывает тучи и розовые отблески на [1 сл. нрзб.] серой воде. Сизо[-]черные берега голубеют. Нельзя описывать эту природу, возможно только смотреть и смотреть на ее просветленную суровость, на ее немое и выразительное, успокоенное знание тайн благодати. Это знание передается каждому предмету под утренним северным небом, — и лежат у воды сложенные дрова и какие-то доски, и стоит подальше забор, а подальше красный сарай. И хотя все это так правдиво-просто есть то, что оно есть, все же кажется, что оно не так просто, что и дрова и доски это свидетели такой благодатной жизни этой земли.

Озеро с сизыми берегами и лучи утреннего солнца сквозь тучи, и дрова и все это — видно из окна монастырского подворья, комнаты о. Михея¹⁸. О. Михей угощает чаем с вареньем. Кипит бойко и деловито самовар. О. Михей в бело-серых валенках и в сером подряснике. Рассказывает о монастыре, о том как постригли 12 иеромонахов и 14 иеродиаконов за последние 10 лет, все записаны в особой книжечке, и о многом другом, и о том еще как бывший его помощник стал теперь помощником монастырского эконома, он там в монастыре „воротило и пятило“. О. Михею тоже хотелось бы поехать в монастырь на бдение преподобных С[ергия] и Г[ермана]. Будет

¹⁶ Борис Иванович Сове (1899–1962) — выпускник и доцент Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, бакалавр Оксфордского университета, уроженец Выборга, финляндский гражданин. Многократно посещал Валаамский монастырь по поручению администрации Богословского института. При его содействии были приобретены или получены в дар для библиотеки института многие издания, сохранявшиеся в библиотеке Валаамского монастыря. Б. И. Сове принимал участие и в работе Русского студенческого христианского движения.

¹⁷ Антонина Михайловна Жаворонкова — жительница Выборга. Организатор экскурсионных поездок и нескольких летних молодежных лагерей Русского Студенческого Христианского движения в Финляндии — на Карельском перешейке и на о. Валаам.

¹⁸ Иеромонах Михей (Михаил Мишин; 04.09.1878–15.09.1947, Папинниemi) — крестьянин Тверской губернии. Обучался в церковно-приходской школе. Финляндский гражданин. С июля 1939 г. второй священник Выборгского православного прихода.

торжественная на хвалитех будут петь „взыграйте горы Валаама“ [sic!]. Но о. Михей все-таки не поехал из-за почты и из-за других дел.

* * *

Когдаходишь на палубу маленького Валаамского пароходика, который стоит у бревенчатой пристани то так ясно охватывает недоуменное чувство о себе: что это я или не я? Вспоминается географическая карта — Ладожское озеро на ней. Здесь Ладожское озеро, а не на карте и я по-видимому — я? Не совсем понятно. А все время занято каким-то восторженным изумлением: на пароходике на месте кормчего — монах. Усходен другой монах в камилавке. Проходим общую каюту. Выбрали [прочтение предположительное. — А. К.] якорь. Голубевшие утром берега выступают из дымки уже зеленым цветом — изумрудной травой кое-где, а больше темно зеленой хвоей. Острые верхушки елей покалывают небо и тучи на нем совсем уже разорвались и размелись. Чтобы не думать, что это сон нужно послушать как шипит и бурлит вода у отчаливающего пароходика и покрепче облокотиться о перила.

* * *

Свет мягко разлит по небу и по воде. Утром солнечный свет пронизывал тучи и падал на озеро, теперь же плывет пароходик по широкому открытому Ладожскому озеру, а мысль все возвращается к тому утреннему видению света, к виденным знакам Царствия Христова. Солнечный свет иногда может быть образом запредельного трисолнечного света. С светом Христовым, освещающим землю, связана память пр. С[ергия] и Г[ермана]. [...] В сером, светящемся пространстве воды и неба дорога еще другая мысль — о святости мира, об освященности его пролитой в него и оставшейся в нем кровию Христовой — о Св. Граале. Хочется плакать от прикосновения к святости мира, которое вдруг делается почти столь же реальным как прикосновение пароходика к Ладожской воде. Процветшая святостью земля близко. Вдали темнеют Валаамские острова и даже рисуется силуэт собора и волнительно-сладко приближение и ожидание.

* * *

Когда чего-нибудь очень напряженно ждешь, то оно все равно наступает неожиданно и вдруг. И так неожиданно вдруг оказывается пароходик против Никольского острова с храмом свят. Николая. Этот храм с золотым высоким куполом и острой крышей возвышается над деревьями так близко, близко, и это не видение и не сон — п[отому] ч[то] пред крестом его и перед образом Св. Николая поднимается рука и кладет крестное знамение — Господи слава Тебе!

И вот отступает назад Никольский остров и вот крутой зеленый берег и вот лодки у воды и какой-то дом деревянный и часовенка. И вот на горе, над яблочным садом, над пестреющими деревьями — белые стены и синие купола. Ты еси Бог творяй чудеса! И вот у бревенчатой пристани стоит какой-то разнокалиберный народ с монахами вперемежку. Стучается пароходик о пристань и после его деревянной палубы под ногами земля. Да, земля Валаама. А наверху синие купола. Песчаная дорога поднимается мимо часовни и идет вверх народ. А наверху синие купола. Жизнь вступила в другой мир, над которым — синие купола.

* * *

Вот кусочек этого мира: номер монастырской гостиницы № 21. Серые одеяла на железных кроватях. Остальное все белое: стены, скатерть на столике перед окошком, подоконник, занавески. В этой белизне два цвета неожиданных радости: желтый = золотой самоварчик — на столике у окна, а за окном прозрачная от солнца малиновая мальва. В углу икона апостола из 70-ти с незапоминающимся именем. За окном, за мальвой, синее небо и где-то очень близко синие купола, хотя их и не видно. Жарко от натопленной печи и твердо от кровати. И радостно от дыхания благодати монастырского домовитого жития.

* * *

Не знаю за что, вероятно ни за что, а просто так, по превеликой Своей милости, дает Господь возможность осязать слухом и зрением⁵.

Монастырь нельзя «осматривать». Но все же вначале, когда еще не отряхнулась пыль и психология „мирской жизни“, впадаешь в эту ошибку осматривания.⁶ Но это какая-то мимолетная ошибка. П[отому] ч[то] правда, нельзя православному человеку „осматривать“ монастырь, можно только встречать[ся] со стенами, с воротами, с часовнями, с храмом, с иконами, с Преподобными, — встречаться интимно и лично. Потому тоже невозможно описывать и я не хочу описывать, а только вспоминать. Описание всегда приравнивается и имеет в виду кого-то, кому оно должно дать наилучшее представление об описываемом предмете. Мне же не хочется никого иметь в виду, п. ч. как ни описывать, все равно не опишешь. Поэтому, я имею в виду только себя, пишу для себя, п[отому] ч[то] я хочу хотя бы воспоминанием перелететь на Ладожское озеро, на горы Валаама.

* * *

При входе в собор два ангела записывают имена достойно и недостойно входящих в храм. Имена достойных: монах Иоанн, [пропуск в тексте]. Имена недостойных очень замысловатые: Аввенир, Веспос. Входят в храм проходя мимо ангелов монахи, послушники и финские хулигане-мальчишки, которых много развелось теперь в монастыре и бабы-корелки и иностранцы — туристы и всякие неизвестные рабы Божии. Но у ангелов все так же остается записано по три имени — остальных имена вероятно знает Господь — их же Ты, Господи, веси. Темный храм преподобных Сергия и Германа теперь уже велик для небольшого числа монахов черными пятнами своих мантий сгущающих темноту, и он велик для монашеского хора, который старческими голосами не может наполнить своды. Но пройдя мимо ангелов, хорошо в нем затеряться и даже среди корелок, которые все время вертятся и шепчутся в полутьме. И правится по уставу длинная служба. По новому стилю — но об этом не хочется думать.

⁵ этот абзац в рукописи вычеркнут; ⁶ далее зачеркнуто Слава Богу, что осматривают только туристы, а мы не осматриваем монастырь, а живем в нем. И проходя по его двору, в воротах, мимо часовен и стен мы смотрим и встречаемся.

* * *

Да, все-таки из-за нового стиля из-за раскола, нельзя получить полноты от церковной службы, и вероятно ее сейчас и нет. Что делать, — сейчас не период расцвета. Но все же во всем какие-то судьбины Божии совершаются. Если даже думать, что старички-монахи недолговечны, что смены и преемства у них нет (нельзя считать сменой финских послушников не говорящих по-русски и перемигивающихся с корелками). Пусть, если так нужно, наступит пора запустения, но она тоже будет каким-то периодом, тоже только до какого-то срока, п. ч. это место свято. И так же, как растут из земли часовни и церкви, наступит срок и еще прорастет здесь русское монашество из его истинных корней — из могил старцев. Этому нельзя не верить, нельзя не нести в себе такого упования. А сейчас, конечно, никто из старичков не дышит полной грудью, у всех скорби и скорби и всем тесно духовно в расколе и иссякшей ревности о службе Божией. Но все хочется думать, что все так, как надо. И этому особенно научаешься в монастыре по отношению ко всем мелочам жизни: все так, как надо и мне и другому и всем на пользу — дается из Божиих рук. Если это до конца сознать не только по отношению к мелочам жизни не только к личной жизни или даже жизни монастыря, а по отношению ко всей Церкви, то можно освободить свою душу от тесноты маловерия и войти в свободу Божией воли о нас грешных — разделенных и не имеющих полноты.

* * *

И все же можно на Валааме дышать полнотой православия — можно ощущать вечную весну Церкви — град Китеж ее — просвещенный ею, освященный Божий мир. Это совсем не выход из храма, нет, нет. Это разлитая повсюду, переливающаяся из храма Херувимская песнь — всякое ныне житейское отложим попечение. Говорят валаамский напев Херувимской напоминает шум Ладожских волн. Это правда так. Если думать о том, что может наступить такое время когда некому будет петь Херувимскую песнь в храме Преподобных Сергия и Германа — такое время может наступить и это не страшно, если такова воля Божия, и такое время бывало в истории Валаама — если будет так, то до времени будут петь ее Ладожские волны. Житейское попечение есть маловерие и нужно его отложить, думая о Валааме, как оно само откладывается там, с самого первого момента, когда с пароходика смотришь на золотой купол Никольского храма. Идешь по лесу и не слышишь шума волн и только вдруг неизвестно в какую минуту отдаешь себе отчет в том, что озеро уже давно и все время шумит своим покачивающимся раздумчивым шумом. А в другую минуту вдруг перестаешь замечать этот шум, хоть и знаешь, что он все время есть. И так нет у этого шума ни начала, ни конца. И так же нет ни начала, ни конца у Валаамской Херувимской песни, когда затянут ее монахи как будто подхватив без начала, а потом неожиданно умолкнут как бы затеряв конец, т[ак] ч[то] несмотря на то, что монахи уже молчат, минуту кажется, что Херувимская еще поется.

* * *

Так поется она волнами у дальнего кладбища, где около сосен ряды могил братьев и не братьев валаамских — разных людей, упокоившихся тут. И есть могилы

монахинь — женщин паломниц, оставшихся на Валааме и постриженных в монашество и погребенных тут. Их было кажется двадцать с лишним, а сейчас живые 15 и очень многие имеют постриг и работают в монастыре²⁰. Вот, между прочим, живой пример монашеского сотрудничества мужчин и женщин — и никто на Валааме этим не занимается. Встретился на обратном пути от кладбища старичек в тулупчике — его „дедушкой“ зовут, п[отому] ч[то] он не „брат“ и не „отец“, не монах, но давно работает в монастыре, в канцелярии. „Дедушка, куда спешите?“ „А иду себе место присмотреть“. Хотя, м[ожет] б[ыть] дедушка — монах тайный. Так тоже бывает (русских подданных не разрешают постригать явно, а только келейно). И тогда на том месте, которое он себе выберет, когда-нибудь люди это прочтут²¹.

* * *

Против Никольского острова, с монастырской стороны на тоненьком деревце висит кусок железной рельсы в нее вставлена железная палка вроде тупого гвоздя. Нужно вытащить ее за шляпку и бить ей по рельсе. Тогда, если услышит с Никольского острова отец Милий²², то приедет с лодкой и перевезет. А если не услышит, то тогда на остров не попасть. Так бьешь по рельсе и ждешь судьбы — как будет — так будет, — как Бог пошлет. На острове возникает маленькая серая фигурка. Медленно спускается к берегу. Не спешит нисколько. Наоборот останавливается несколько раз на своем пути и что-то раздумывает и копошится. Потом долго копошится у воды и исчезает из виду, сливаясь с серыми камнями. Что же он, не поедет? И вдруг лодочка качается там у камней и серая фигурка в ней сидит и гребет. Поплыл, поплыл отец Милий. Растревожили старика рельсой.

²⁰ В годичных монастырских отчетах помещались списки призреваемых женщин. Так, в отчете за 1937 г. их обозначено 19, а по положению на 17 марта 1938 г. указаны постоянно проживающими 16 женщин в возрасте от 50 до 83 лет (Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Папинниemi. VLA. Vla Be: 17. Опубликовано в: *Клементьев А. К. Скворцова О. В. Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам и в местности Папинниemi в Финляндской Республике в 1939–1944 гг. Приложение XVII // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 1 (21) С. 374–376*). После начала Зимней войны проживавшие в обители женщины переехали вместе с остальными насельниками монастыря в Папинниemi, где и кончили свои дни.

²¹ Такие келейные постриги совершались в Валаамском монастыре достаточно регулярно, что позволяло обходить закон Финляндской Республики о допущении в насельники монастырей только финляндских граждан. При этом столь очевидно противозаконная практика не была секретом и имела место с молчаливого одобрения финляндской администрации, как церковной, так и государственной. Сведения о келейных постригах вносились в официальные монастырские документы, и число их легко определимо. О несомненном и неприкрытом постоянном несоблюдении государственного законодательства в этой сфере церковной жизни свидетельствуют и национальная принадлежность лиц, *стремившихся к монашеству*, — послушников Валаамского монастыря в межвоенные десятилетия: в 1935 г. из 25 богомольцев-послушников только трое были гражданами Финляндии, а из 7 рясофорных — ни одного; в 1935 г. из 75 богомольцев-послушников было 28 не финляндских граждан; в 1936 г. богомольцев-послушников числилось 71, из коих 30 не финляндских граждан, трудников-кафтанников к началу 1936 г. числилось 18, из коих 10 не финляндских граждан, а в течение года поступили еще 19, из них 6 не финляндских граждан (см.: *Клементьев А. К., Скворцова О. В. Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам... // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 283, приложение XVII*).

²² Монах Милий (Михей Богданов; родился 9 августа 1859 г., крестьянин Новгородской губернии). О. Милий скончался на о. Валаам 28 сентября 1939 г. — за два месяца до начала Зимней войны.

Отец Милий подарил свою фотографию. Но он совсем на ней на себя не похож. На фотографии он просто мужичек как мужичек. Но он правда совсем не такой, как на фотографии. Вот уже качается лодочка у камней, у рельсы и пряменько сидит в ней на лавочке отец Милий и веслами правит, чтоб пристать. Отец Милий в сером суконном валяном тулупчике каком-то или длинной кофте подпоясанной. На ногах сапоги, очень заслуженные, как будто с ногами его срослись, и как будто эти сапоги и есть ноги о. Милия. Надета на нем камилавочка кривенькая и без формы, цвета и без возраста. Из[-]под нее волосы о. Милия как серые перья у какой-нибудь больной птички — в беспорядке сами по себе устроились вместе как им нравится. Маленьких его глаз не видно, но видно, что они смотрят остро серьезно-деловито. Он свое послушание тут исполняет — перевозить людей на остров. Отец Милий и говорит: „Пожалуйте“. По послушанию о. Милий всякого должен возить, кто в рельсу побьет. Но теперь такое время настало, что всякого не повезешь. Бывает, что придут на берег финские мальчишки и бьют в рельсу. У отца Милия для такого случая в лодке яблочки припасены. Он подплывет к тому месту, где рельса и выкинет яблоки мальчишкам, чтобы отстали. Вот и сейчас у него в лодке несколько яблоков перекатывается по дну. Но это яблоки похуже, мелкие, для мальчишек. А у него в саду и получше есть. Есть у него в саду еще и огурцы. Отец Милий уже все собрал и на зиму засолил. А сейчас осень. Но все же поискал в грядке — нет ли какого последнего огурчика, чтобы угостить. Поискал и нашел хороший огурчик. Один же лежит у него на грядке большой и желтый — на семена. И яблоков получше тоже достал о. Милий и угостил.

Из монастыря о. Милий получает чай и хлеб. И питается чаем с хлебом и солеными огурчиками зимой прикусывает. Он живет один в Никольском скиту — в большом каменном двухэтажном доме. Наверху келии монашеские и настоятеля, внизу трапезная и несколько келий и церковь. Вошли в нее, три раза перекрестились и поклонились вместе с о. М[илием.]

Сейчас пустует дом, а раньше жили монахи. Вот например на одной двери под дощечкой с надписью: „Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас“, написано еще о. Петр, а на других дощечках на других дверях другие имена. Отец Милий, вот здесь о. Петр жил. Да, говорит отец Милий, надпись надписана против дьявола. П[отому] ч[то] как не было раньше надписи, бывало придет дьявол в человеческом образе и стучит в дверь к монаху и бурчит невнятно вроде как молитву творит. Как разберет монах — что за человек, — и пустит его. А как надпись надписали — как придет дьявол в дверь стучать, а монах ему: прочти надпись. Тут ему дьяволу ничего не сделать, п[отому] ч[то] в надписи сказано: помилуй мя грешного. А дьявол хоть и много может, а „помилуй мя грешного“ ему нельзя сказать, п[отому] ч[то] он себя грешным никак не признает. Так и уйдет от двери и до монаха не добьется. Мы с отцом Милием торжествуем победу дьявола [sic!]²³. Хотя в надписи не сказано помилуй мя грешного, и монаха ограждает она именем Иисусовым у о. Милия свое толкование. И важно то, что дьявол посрамлен. И проходим по коридору мимо пустых келий. Внизу у крыльца встречается кот. На полу на железной тарелке остатки рыбы.

Вот, говорит отец Милий, — если немного полежала, не ест. Подавай ему свежей. Тоже разбирает. Доставай ему рыбы и зимой и летом.

²³ Первоначально было записано: «Мы все вместе с отцом Милием торжествуем над позором дьявола».

Отец Милий, а Вы сами рыбу кушаете? Нет, говорит отец Милий и смеется, а ему вот ловлю.

Отец Милий взял ключ и кот пошел провожать нас на горку к храму святителя Николая. Отец Милий только успел дверь отомкнуть, кот тихонько проскользнул и завернул направо, — м. б. на колокольню хотел полезть.

Тут маленький, тихенький, улыбчивый отец Милий обрушился на кота праведным гневом: зашумел, завопил, палкой загромыхал и выругал кота непечатным словом — кот выскочил пулей, а отец Милий улыбнулся: это он на полгода запомнит, полгода сюда не придет. И открыл другую дверь — в церковь. Храм святителя Николая очень внутри хорош, особенно архитектурно: устремленностью в высоту.

На мысу острова — в сторону Ладоги за храмом маяк. Главное послушание о. Милия в том, чтобы его зажигать и тушить в положенные сроки. Когда подъезжаешь к Валааму и с пароходика смотришь на крутую золотую крышу Никольского храма, откуда узнать, что живет у него о. М[илий.] Но когда увозит пароход от монастыря, то стараешься найти на острове милую его фигурку. Душенька о. Милий стоял перед порогом храма св. Николая и смотрел на наш пароход. И теперь он там живет и будет жить сколько ему положено и пить чай с солеными огурчиками, и рыбу ловить — коту. Что о. Милию Париж? Он спросил: какой это будет державы? И задумчиво повторил: Франции. И добавил: вот к нам недавно еще с Одессы господин приезжал. Как, о. М[илий], из Одессы? Ну да, с этой, с Финляндской. — Из Гельсингфорса, может быть? — Вот, вот.

А ведь это верно, что Гельсингфорс Одесса, но только откуда о. Милий это знает? У него еще было запасено лукошко брусники — тоже угостил по горсточке.

Когда, отец Милий, последний раз людей перевозили? — Да недели две. Отец Милий рассказал, что если иностранцы бывают, то все его на фотографию снимают и бывает — присылают фотографии. Они у о. Милия аккуратно завернуты в бумажку. На одной из них написано: with kind regards²⁴. Мне подарил фотографию с послушником и с девицей посередине. Девица теперь вырезана и предана ладожским волнам, а послушник пока оставлен для декорации. Но не хочется смотреть на эту фотографию. О. Милий совсем другой. Если бы не делать фотографию, если бы сделать о. Милия из какого-нибудь сучка или корешка и из перушек больной птички и сшить ему одежду из какой-нибудь затрепанной монашеской ряски, м. б. бы и было похоже. Он отчалил от берега у рельсы и поплыл к острову в своей лодочке, а катавшиеся по дну яблоки, припасенные для мальчишек, — отдал — спаси Господи. Отцу Милию ведь еще сегодня забота: найти подходящее место и поставить сетку для рыбы — удочкой уже не берет. Осень.

Отец Лука²⁵, гостинник, сказал, чтобы мы вышли к крыльцу ровно в половине двенадцатого. „Потому что наши лошади нервные, не могут ждать“, — сказал отец Лука. Отец Лука — строгий монах. Очень было интересно какие такие нервные лошади. Мы вышли в половине двенадцатого и долго ждали вместе с о. Лукой. Приехала серая

²⁴ Англ.: «С наилучшими пожеланиями».

²⁵ Иеромонах Лука (Яков Земсков; родился 28 сентября 1880 г., крестьянин села Годеново, Ростовского уезда Ярославской губернии). Окончил монашескую богословскую школу на о. Валаам, заведующий монастырской гостиницей, наиболее часто упоминаемый в рассказах валаамских паломников, туристов и гостей. В 1957 г. переехал из Финляндии в Псково-Печерский Успенский монастырь, где скончался 2 декабря 1968 г. и был погребен в монастырских пещерах.

лошадь с тележкой и остановилась. Отец Лука думал, что Голубка запрягут, а запрягли Цибика, а Цибик может ждать. Голубок ждать совсем не соглашается. Цибик подождал ровно столько, сколько нужно было чтоб влезть в тележку и рванул. Наш брат[-] возница держал его натянутыми вожжами.

Опять, опять это недоуменное чувство: где я, кто я, что это за земля, что за воздух?

Цибик бежит шибко. Правит послушник в скуфейке и валяном подряснике. Двухместная тележка потрясывает и под колесами песок скрипит и царапают камни. Цибик вместе с тележкой и с кучером в свежем осеннем воздухе — пахнет забытым знакомым несравненным русским духом. — Вот какая это земля и вот какой воздух.

У краев дороги — лес. Ели и березы, сосны и березы, и еще рябина и еще ольха. Этот лес наполнен какой-то открытой простой душевностью и нельзя устать смотреть на эти деревья, особенно на березы. „Березы — свечи“ сказано у Есенина²⁶. Завороты, полянки, грибки во мху. Потом открытое поле — Цибик еще веселее бежит. Вдали сараи и амбары, а направо у леса часовня с зеленой маковкой. Захочет ли Цибик остановиться? Ничего, говорит брат, можно, — и принудил Цибика завернуть к часовне. Деревянная, ласковая, двери открыты. Вошли, постояли у Божией Матери, поклонились Ей и Валаамским Преподобным. И до нас приходили и после нас придут неведомо кто — Божия мать запомнит. И читали и будут читать тропарь и кондак, и молитву, тщательно выписанные на дощечке, которая снимается с гвоздика и берется за ручку, чтоб читать. Цибик вывез на горку и видна сквозь деревья дальняя Ладожская вода. А спустились с горы — Гефсиманский скит. Деревянная легкая церковь, деревянные два дома. На обратном пути зайдем, а пока по лесу на другую горку — к Воскресенскому скиту.

22 / IX 33

Пароход «Suomen Neito»²⁷

Еду уже третьи сутки и все время больна, т[ак] ч[то] не могу ни думать, ни писать. Все лежу целыми днями и только на трапезы выхожу — с капитаном и финским скрипачом. Писать больно плечу. Ужасная расслабленность. Море где-то рядом, но я не могу встретиться с ним, п[отому] ч[то] не могу выйти на палубу — будет сразу хуже спине. Потому невозможно продолжение мыслей о стихии. А мне мечталось об этом плавании именно потому, что смогу думать дальше. Но так уж наверное Бог хочет и еще меня наказывает болезнью и расслаблением. Хотелось еще думать о себе, о всех плодах этого лета. Но очень бессильна сейчас. Знаю, что Божия Мать ко мне как-то бесконечно милостива, так во многом это знаю. Нужно это все помнить.

Проехали Копенгаген. Ходили по городу. На моторной лодке по заливу проехали от угольных складов, где наш пароходик грузился. Теперь плывем дальше.

Господи, благодарю тебя за это вечернее серое море, за сказочные парусные корабли, за уплывающий чужой город, за розовую полоску под тучами. Господи помилуй.

²⁶ В стихотворении 1911 г. «Темна ноченька, не спится»: «На бутре береза-свечка / В лунных перьях серебра. / Выходи, мое сердечко, / Слушать песни гусяра!».

²⁷ Грузовой пароход, построенный в Финляндии в 1921 г. и разобранный в 1963 г. в городе Матильдедал (Mathildedal).

Получила сегодня перо. М[ожет] б[ыть] смогу писать.

Конец виден моего странствия. Видны берега Франции. Ох, я ей изменяла, любя другие страны. А она меня встречает мягким теплом, голубым морем, чудная нежная — *douce France*. Возвращаюсь с покаянием за измены.

Что мне сказать об моих итогах?

Задания своего не исполнила „себя“ не нашла. Но зато так много нечаянного и неожиданного получила. Это все везу и буду им жить и питаться. Вероятно никогда не исчерпать благодарности Богу. Странно. Блаженно.

Что у меня есть? М. б. и нет, но что хочу иметь и чего касаюсь?

Хочу иметь веру. Такую веру, которая не иссякает в главном — в доверии Богу и желании Его воли.

Больше всего хочу Божией воли. М. б. это слишком дерзко ждать от Бога указаний себе, но я их хочу. Я не могу сама себя находить, я хочу, чтобы Бог делал со мной все, что Он хочет и если сделает из меня монашку, я буду Его благодарить и если нет — тоже. Я не знаю, как это Он может сделать, но пока Он не делает, я ничего не могу сама. Но верю, хочу верить, что Он все укажет. Больше всего хочу простоты. В вере и во всем. [...]

Радуга через все море!

Завтра Воздвижение. Под небом над морем читала службу Кресту. Солнце косые лучи посылает мне и морю и земле. И розовожелтые обрывы и море м. б. тоже слышат канон Кресту. Перламутр. Всемирное воздвижение. Над миром воздвигнут Крест и видит его весь мир и он осеняет весь мир. [...]

Всемирное Воздвижение Креста

Сегодня туман. Всю ночь простояли в море на якоре. И сейчас стоим. Туман потушил все вчерашние краски, всю вчерашнюю славу. И такое белое молчание вокруг. Где-то в церкви служится Литургия.

* * *

Уже Сена. В рассеивающемся^a тумане все как бы нарисовано карандашом. Совершенно сказочно было в море, когда вдруг в белизне начали выступать силуэты пароходов и мелких суденышек. А сейчас на одном берегу тянется вереница деревьев в один ряд: [2 слова размыты] кисточки на ножках. Берег чернеет полосой и на нем деревья как ноты. Дальше вероятно низкая равнина п[отому] ч[то] больше ничего не видно кроме легкого силуэта — намек дальней возвышенности. А с другой стороны тоже далекие серые силуэты и вблизи серая река. И вдруг так странно сам по себе живет, как-то цветет — изумрудный цвет травы. И еще вдруг встретится в воде ярко-красная вежа. Серый, зеленый, белый, красный.

^a *испр.; в оригинале разсвивающемся*

Источники

1. Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Папинниemi. VLA. VIa Be: 17.
2. *Бронзов А. А.* Рай на земле. Валаамские впечатления // Христианское чтение. 1912. № 9. С. 954–977.
3. *Ваучский А., свящ.* Поездка на Валаам. (Впечатления и воспоминания о Коневской и Валаамской обителях). Новгород, 1909.
4. *Шмелев И. С., Бредиус-Субботина О. А.* Роман в письмах. М., 2003. Т. I. 1939–1942.
5. Ловля винной контрабанды на Валааме // Огонек. 1914. № 23 (8 (21) июня, воскресенье). С. 7.
6. *Патрашкин С.* На Валаам // День. 1913. № 179 (267) (7 июля, воскресенье). С. 3; № 184 (272) (12 июля, пятница). С. 3.
7. *Патрашкин С.* На Валааме // День. 1913. № 191 (279) (19 июля, пятница). С. 3.
8. Русские скауты на Валааме. Фотографии А. А. Завьялова / издание «Общества друзей русских скаутов в Гельсингфорсе». Гельсингфорс, 1936.
9. Средний заработок рабочих в России // День. 1913. № 180 (268) (8 июля, понедельник). С. 4.
10. *Струве Н.* Памяти матери Бландины (Оболенской) 30-III-1897–21-XII-1974 // Вестник Русского христианского движения. № 114 (IV — 1974). С. 288–289.
11. *Шмелев И. С.* На скалах Валаама. За гранью мира. (Путевые очерки). М., 1897.
12. *Шмелев И. С.* Старый Валаам. Владимирова, 1936.
13. «Эпистолярное богословие». Из переписки отца Сергия Булгакова и Александры Оболенской / публикация Н. А. Струве // Вестник Русского христианского движения. № 200 (II — 2012). С. 10–25.
14. *St. George C. F. L.* A visit to the Russian orthodox monasteries of Valamo, Konevitsa and Petseri // The eastern churches quarterly. 1938. № 3, Vol. III. July. P. 162–170.

Литература

1. *Кириллина Е. В.* Репин в «Пенатах». Л., 1977.
2. *Клементьев А. К., Скворцова О. В.* Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам и в местности Папинниemi в Финляндской Республике в 1939–1944 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 202–372.
3. *Клементьев А. К., Скворцова О. В.* Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам и в местности Папинниemi в Финляндской Республике в 1939–1944 гг. (Окончание) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 1 (21). С. 267–412. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10106

Alexander K. Klementiev

SPASO-PREOBRAZHENSKY MONASTERY ON VALAAM ISLAND IN THE TESTIMONIES OF NATALIA STATSENKO AND PRINCESS ALEXANDRA OBOLENSKAYA (1916 AND 1933)

Abstract. The article contains some evidence of visits to the Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior, published for the first time: a description of a Petrograd schoolgirl Natalia Statsenko's trip made in 1916, and diary entries of Princess Alexandra Obolenskaya, who came to Finland from Paris in 1933, and who would later become nun Blandina, one of the organizers of the Orthodox skete of the Kazan Icon of the Most Holy Theotokos in Moisenay-le-Grand near the city of Meulan in France. The skete temple was subsequently painted by Fr. Gregory Krug. Written as a study essay, report on the excursion "From the school bench to the quiet pier of St. Valaam" was performed by a 6th grade student of the gymnasium probably on the Subject of the Law of God. Children's reviews of Valaam were very rare, moreover, this work "in terms of its content and presentation could be called an outstanding and talented one", as Priest N. Ladygin put. The irregular diary entries "To Myself" dedicated to the stay of the future nun Blandina in Sweden, as well as her Finnish impressions of life in the Spaso-Preobrazhensky Monastery add many vital and important details both to clarify the history of her own ascetic life and to complete the well-known descriptions of Valaam everyday life in the interwar decades.

Keywords: *N. V. Statsenko, Princess A. V. Obolenskaya (nun Blandina), Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, Orthodoxy in Finland, Orthodox pilgrimages in Russian emigration*

For citation: Klementiev A. K. Spaso-Preobrazhenskii monastyr' na ostrove Valaam v svi-detel'stvakh Natalii Statsenko i kniazhny Aleksandry Obolenskoi (1916 i 1933 gody) [Spaso-Preobrazhensky Monastery on Valaam Island in the Testimonies of Natalia Statsenko and Princess Alexandra Obolenskaya (1916 and 1933)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2023, no. 41, pp. 290–318. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-290-318

About the author and editor: Klementiev Alexander Konstantinovich — Historian, archivist, author of the study on the history of the Russian Orthodox Church in emigration (Russia, Saint Petersburg). *E-mail:* niteroy@rambler.ru

Submitted on 29 December, 2022

Accepted on 21 February, 2023

References

1. Bronzov A. A. Rai na zemle. Valaamskie vpechatleniia [Heaven on Earth. Impressions of Valaam]. *Khristianskoye chteniye — Christian reading*, 1912, no. 9, pp. 954–977.
2. Kirillina E. V. *Repin v «Penatakh»* [Repin in the "Penates"]. Leningrad, 1977.

3. Klementiev A. K., Skvortsova O. V. Materialy k istorii Spaso-Preobrazhenskogo monastyria na ostrove Valaam i v mestnosti Papinniemi v Finliandskoi Respublike v 1939–1944 gg. [Materials for the History of the Savior-Transfiguration Monastery on the Island of Valaam and in the Papinniemi Area in the Finnish Republic in 1939–1944]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2017, no. 4 (20), pp. 202–372.
4. Klementiev A. K., Skvortsova O. V. Materialy k istorii Spaso-Preobrazhenskogo monastyria na ostrove Valaam i v mestnosti Papinniemi v Finliandskoi Respublike v 1939–1944 gg. (Okonchanie) [Materials for the History of the Savior-Transfiguration Monastery on the Island of Valaam and in the Papinniemi Area in the Finnish Republic in 1939–1944 (Final part)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 1 (21), pp. 267–412. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10106
5. *Ogonek — Spark*, 1914, no. 23 (8 (21) June, Sunday), p. 7 (photo).
6. Patrashkin S. Na Valaam [To Valaam]. *Den' — Day*, 1913, no. 179 (267) (7 July, Sunday), p. 3; no. 184 (272) (12 July, Friday).
7. Patrashkin S. Na Valaame [On Valaam]. *Den' — Day*, 1913, no. 191 (279) (19 July, Friday), p. 3.
8. *Russkie skauty na Valaame. Fotografii A. A. Zav'ialova* [Russian Scouts on Valaam. Photos by A. A. Zavyalov]. Helsingfors, 1936.
9. Shmelev I. S. *Na skalakh Valaama. Za gran'iu mira. (Putevye ocherki)* [On the Rocks of Valaam. Beyond the World. (Travel essays)]. Moscow, 1897.
10. Shmelev I. S. *Staryi Valaam* [Old Valaam]. Vladimirova, 1936.
11. Shmelev I. S., Bredius-Subbotina O. A. *Roman v pis'makh* [Roman in Letters]. Moscow, 2003, vol. I. 1939–1942.
12. Srednii zarobotok rabochikh v Rossii [Average Earnings of Workers in Russia]. *Den' — Day*, 1913, no. 180 (268) (8 July, Monday), p. 4.
13. St. George C. F. L. A Visit to the Russian Orthodox Monasteries of Valamo, Konevitsa and Petseri. *The Eastern Churches Quarterly*, 1938, no. 3, vol. III, pp. 162–170.
14. Struve N. Pamiati materi Blandiny (Obolenskoj) 30-III-1897–21-XII-1974 [In Memory of Mother Blandina (Obolenskaya) 30-III-1897–21-XII-1974]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, no. 114 (IV — 1974), pp. 288–289.
15. Struve N. A. (ed.). «Epistoliarnoe bogoslovie». Iz perepiski ottsa Sergiia Bulgakova i Aleksandry Obolenskoj [“Epistolary Theology”. From the Correspondence of Father Sergiy Bulgakov and Alexandra Obolenskaya]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniia — Bulletin of the Russian Christian Movement*, no. 200 (II — 2012), pp. 10–25.
16. Vauchskii A., sviashch. *Poezdka na Valaam. (Vpechatleniia i vospominaniia o Konevskoi i Valaamskoi obiteliakh)* [A Trip to Valaam. (Impressions and Memories of the Konev and Valaam Monasteries)]. Novgorod, 1909.